

УДК 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Элементы волшебной сказки в цикле рассказов о Мастере-Аргачи

Дмитрий Алексеевич Носов¹, Сичинбат²

¹ Институт восточных рукописей РАН

(д. 18, Дворцовая наб., 191186, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: dnosov@mail.ru

² Институт этнических литератур Академии общественных наук КНР

(5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

доктор филологии, профессор

© КалмНЦ РАН, 2020

© Носов Д. А., Сичинбат, 2020

Аннотация. В статье рассматриваются народные рассказы о Мастере-Аргачи, бытующие как среди монголоязычного населения Синьцзян—уйгурского автономного района КНР, так и среди торгутов Монголии. Дается краткое обоснование жанрового определения всего цикла. Наиболее подробно рассмотрены сюжеты четырех сказок, опубликованных в Урумчи и Улан-Баторе в 1990 и 2002 гг. — «Ајігү-а-уін сү-бер агікі пегегсен пі» (Как гнал водку из молока жеребца), «Эргүү ванг ичээсэн нь» 'Как пристыдил бестолкового вана', «Dayardağ ügei debel» 'Незамерзающая дэли' и «Агуаџи амбан поуан-і џükүгсен пі» 'Как Аргачи выиграл пари у амбания-ноёна'. На уровне структуры повествования и среди художественных образов выявлены элементы, свойственные волшебным сказкам.

Ключевые слова: монгольские народы, торгуты, фольклор, типология, Синьцзян-уйгурский автономный район КНР

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта

№ 19-512-93002. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Носов Д. А., Сичинбат. Элементы волшебной сказки в цикле рассказов о Мастере-Аргачи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 100–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Elements of a Fairy Tale in a Series of Stories about the Master-Argachi

Dmitrii A. Nosov¹, Siqinbatu²

¹ Institute of Oriental manuscripts RAS
(18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
E-mail: dnosov@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (FL-11, West Wing, 5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)
PhD, Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Nosov D. A., Siqinbatu, 2020

Abstract. The article discusses folk stories about Master-Aragchi that exist among Mongolian speaking population of the Xinjiang Uyghur Autonomous region of the People's Republic of China as well as among torguts in Mongolia. It gives the brief grounding for the determination of the whole series. The study gives a detailed analysis of the four fairy tales published in Urumchi and

Ulan Bator in 1990 and 2002 — «Ajiry-a-yin sü-ber ariki neregsen ni» ‘On how he made vodka from stallion’s milk’, «Эргүү ванг ичээсэн нь» ‘On how he made a clueless van ashamed’, «Dayardaḡ ügei debel» ‘Non-freezing deli’ и «Aryači amban noyan-i šükügsen ni» ‘On how Aragchi won an ambar-noyon’s bet’. The article determines the elements common to fairy tells on the level of the narrative structure and among the literary images.

Keywords: Mongolian nations, torguts, folklore, typology, Xinjiang Uyghur Autonomous region of the People’s Republic of China

Acknowledgement. The study was funded by RBFR and the Academy of Social Sciences of China within the scope of the research project No. 19-512-93002. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Nosov D. A, Siqinbatu. Elements of a Fairy Tale in a Series of Stories about the Master-Argachi. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 100–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-100-110

Среди сказок монгольских народов особое место занимают повествования о *бадарчинах* — странствующих монахах, которые при помощи своего остроумия обнажают пороки современного им общества. В рамках этой тематической группы у монголов, проживающих в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР, существует цикл сказок, объединенный общим персонажем по имени *Аргачи*. Сборник историй о нем был опубликован в г.Урумчи в 1990 г., он содержит 57 сказок [Аргачи 1990].

Монгольский фольклорист Б. Катуу локализует цикл сказок об Аргачи среди торгутов и приводит в пример 17 произведений [Катуу 2002: 273–288]. Все они имеют параллели в сборнике 1990 г. При этом различия между текстами обоих сборников минимальны и носят характер переосмысления текста, находящегося на грани бессознательных ошибок и сознательных изменений [Лихачев 1964: 29]. Это позволяет считать их вариантами произведений, опубликованных в г.Урумчи.

Следовательно, нам известны не менее 57 повествований, входящих в цикл сказок об Аргачи и распространенных среди монголоязычного населения западных регионов Китая и Монголии. Им присущи все признаки бытовых сказок, описанные В. Т. Саранговым на калмыцком материале.

Во-первых, это отсутствие свойственной волшебным сказкам дихотомии «нашего» и «потустороннего» миров, четкое отождествление мира, в котором происходит действие, с реальным [Сарангов 2010: 95]. Как правило, место действия в сказках об Аргачи ограничено одной, часто конкретной, административно-территориальной единицей империи Цин (1644 – 1911). Данная художественная особенность возникает вследствие основного назначения рассказов – сатирически подсветить процессы разложения маньчжурского административного аппарата позднего периода.

Во-вторых, это четкое определение социального положения героев [Сарангов 2010: 95]. Аргачи по умолчанию находится в самом низу буддийской церковной иерархии. В качестве его антагониста может выступать настоятель монастыря, богач, судья, высший чиновник или аристократ. При этом встречаются случаи обращения к персонажу, стоящему в иерархической лестнице на одну ступень выше антагониста, как к арбитру, например, в сказке «Аргач ба шүүгч» ‘Аргачи и судья’¹ [Катуу 2002: 276].

В-третьих, Аргачи всегда побеждает антагониста [Сарангов 2010: 95]. Этот признак выделяет сказки об Аргачи из общего корпуса сказок о *бадарчинах*, в которых главный герой может быть как вознагражден за свое остроумие, так и наказан за неподобающее поведение.

В-четвертых, в сказках об Аргачи мифологические персонажи десаκραлизованы [Сарангов 2010: 95]. Наглядным примером этого является сюжет сказки «Модны сүүдэрт» ‘В тени от дерева’ [Катуу 2002: 274], в которой Аргачи решает наказать богача, эксплуатировавшего своих работников. Он застаёт антагониста во время сна, тайком привязывает его ногу к дереву, а затем поливает свое-

¹ Здесь и далее все переводы с монгольского языка выполнены одним из авторов статьи — Д.А.Носовым.

го противника жидкостью. В результате между ними происходит следующий диалог:

— *Это дерево — сахиус². Он ниспослал на меня теплый дождь.*

— *Эй нет, в этом дереве живет демон³. Недавно, пока я спал, он спутал мне обе ноги. Так что еще ничего, что он Вам одну ногу связал!*

По сути, в данной сказке остроумно обыгрывается общая для всех монгольских народов вера в мифологических персонажей. Подобным же образом в качестве средства наказания антагониста выступает некритичное отношение к буддийской медицине, например, в сказках «*Ноёнд нохойн баас идуулсэн нь*» ‘Как накормил ноёна собачьими экскрементами’ [Катуу 2002: 285–286] и «*Аргач гэгээнд хувилсан нь*» ‘Как Аргачи перевоплотился в гегена’ [Катуу 2002: 286–288].

Китайские исследователи определяют рассказы об Аргачи как «*šoq qoşong üliger*» [Агүаі 1990: 1]. Такое же жанровое наименование — «*шог хошин үлгэр*» (сатирические сказки) присваивает им Б. Катуу [Катуу 2002: 46–49]. Но, по классификации В. Т. Сарангова, они относятся к бытовым сказкам, поскольку невероятные события в них не происходят [Сарангов 2010: 96–97].

Апелляция к чему-либо невероятному, постановка заведомо невыполнимой задачи служит лишь завязкой конфликта между Аргачи и антагонистом в ряде сюжетов. В финале главный герой всегда находит способ разрешить его естественным путём, как, например, в сказке «*Ајігү-а-уін сү-бер арикi neregseп ni*» ‘Как гнал водку из молока жеребца’ [Агүаі 1990: 29–31].

Наличие подобного рода задач и их функция в структуре повествования отсылают нас к другой разновидности сказочного эпоса — волшебной сказке. В упомянутом выше произведении главному герою ставится невыполнимая задача – приготовить напиток из молока жеребца. В выявленной В. Я. Проппом (1895–1970) морфологической структуре сказки, включающей в себя 31 элемент —

² Дух-покровитель места.

³ Использовано собирательное выражение *чотгор шулам*.

функцию действующего лица, постановка герою трудной задачи располагается под номером XXV [Пропп 1928: 68–69].

Если в волшебной сказке обязательно должна существовать пара функций действующих лиц: **XXV. Герою предлагается трудная задача** (кратко — трудная задача, сокращенное обозначение — З) — **XXVI. Задача решается** (кратко — решение, сокращенное обозначение — Р) [Пропп 1928: 68–70], то в рассматриваемом повествовании последний элемент отсутствует. Аргачи не изготавливают водку из молока жеребца, а заставляют антагониста самостоятельно признать, что это невозможно.

Нам также встретился сюжет, в котором более четко прослеживается связка функций **XXV. Герою предлагается трудная задача** — **XXVI. Задача решается** [Пропп 1928: 68–70]. В сказке «Эргүү ванг ичээсэн нь» ‘Как пристыдил бестолкового вана’ [Катуу 2002: 277–278] антагонист просит Аргачи свить веревку из пепла. Он готовит веревку из степной травы, затем сжигает ее, аккуратно положив на тарелку. Вернувшись с получившейся веревкой на тарелке, Аргачи предлагает антагонисту самому взять ее в руки и тем самым выигрывает спор.

Еще более обширную группу элементов волшебной сказки мы обнаружили в рассказе «Dayardaq ügei debel» ‘Незамерзающая дэли’ [Агүацй 1990: 8–9]. Аргачи запирают на ночь в холодном доме, чтобы он замерз насмерть. Аргачи находят камень в углу и начинают бегать по дому с камнем в обнимку, такая физическая активность позволяет ему пережить ночь. Наутро антагонист обнаруживает Аргачи живым и даже вспотевшим. Аргачи уверяет его, что согрелся благодаря своей волшебной *дэли*⁴. Антагонист меняет *дэли* на свою одежду и ночью замерзает.

Здесь заточение в холодном доме можно рассматривать как функцию **XXV. Герою предлагается трудная задача** [Пропп 1928: 68–69], а физическую активность как **XXVI. Задача решается** [Пропп 1928: 70]. Обмен одеждой между героем и антагонистом соответствует функции **XXIX. Герою дается новый облик** (кратко — трансфигурация, сокращенное обозначение — Т)

⁴ Дэли — монг.: *дээл* – традиционный монгольский халат.

[Пропп 1928: 70–71], а точнее, полностью повторяет приведенный В. Я. Проппом третий вариант — «герой одевает новую одежду» [Пропп 1928: 71]. Гибель антагониста от холода соответствует элементу **XXX. Вредитель наказывается** (кратко — наказание, сокращенное обозначение — Н) [Пропп 1928: 71].

Функции следуют в правильном для волшебной сказки порядке и образуют цельную повествовательную линию. Развитие сюжета через описанные выше элементы предваряет следующий абзац:

Стал Аргачи избличать и высмеивать отвратительные поступки богачей и знати. За это богачи и знать люто возненавидели его. И вот однажды некий жестокий богач схватил Аргачи, заточил его в промозгом холодном доме и сказал: «Посмотрим, как ты умрешь к завтрашнему утру», так говорят [Агҫаҫи 1990: 8].

Его можно расценивать как описанный В. Я. Проппом элемент «начальная ситуация» (сокращенное обозначение — i) [Пропп 1928: 35–36]. Используя предложенные в «Морфологии сказки» [Пропп 1928] условные знаки, получается следующая формула рассказа «*Dayardaq ügei debel*» [Агҫаҫи 1990: 8–9]:

i 3-Р Г Н

Наибольшее количество элементов волшебной сказки нам удалось обнаружить в тексте, который открывает изданный в г. Урумчи сборник — «Агҫаҫи амбан поуан-и шүкүгсен ни» ‘Как Аргачи выиграл пари у амбаня-ноёна’ [Агҫаҫи 1990: 1–6]:

Аргачи выступает в качестве ламы-предсказателя. Амбан⁵ приводит к нему свою младшую дочь, чтобы узнать ее судьбу. Аргачи заявляет, что ей суждено сочетаться браком со слугой. Амбан в гневе объясняет, что для существующей социальной системы это недопустимо. Аргачи заключает с ним пари на три месяца. Амбан помещает свою дочь в пещеру на высокой горе и окружает охраной. Аргачи переодевается в придворного врача амба-

---

⁵ Амбан — титул в административной иерархии империи Цин, помощник цзяньцзюня (генерал-губернатора).

ня и навещает девушку. Он говорит, что та забеременела от лунного света и должна бежать с принявшим человеческий облик и спустившимся на землю Месяцем. Затем Аргачи отправляется во дворец Амбана, находит слугу, объясняет ему происходящее, одевает соответствующе и помогает ему организовать побег девушки из пещеры. Амбань обнаруживает, что дочь его сбежала со слугой и проигрывает пари. В качестве выигрыша Аргачи требует облегчения налогового бремени для подданных амбана.

Заключение пари между Аргачи и амбаном можно рассматривать как сложный вариант «начальной ситуации», носящий характер обрамляющего сюжета.

С точки зрения 31-функциональной схемы В. Я. Проппа, главным героем в ядре данного повествовании выступает слуга. Но поскольку упор сделан на обрамляющую ситуацию, роль слуги номинальная. Повествование концентрируется на действиях Аргачи, который, согласно применяемой схеме, действует как волшебный помощник и даритель [Пропп 1928: 88].

Заточение дочери в пещере на высокой горе соответствует функции **VIII. Вредитель наносит одному из членов семьи вред или ущерб** (кратко — вредительство, сокращенное обозначение — А) [Пропп 1928: 40–44]. Рассматриваемый случай, на наш взгляд, ближе всего к описанному В. Я. Проппом варианту 15 данной функции — «Он (антагонист — *Д. Н., С.*) заточает, задерживает» [Пропп 1928: 43] и носит краткое обозначение А¹⁵.

Действия Аргачи по введению дочери амбана в заблуждение и помощь слуге, включая его переодевание, являются сложной формой функции **XIV. В распоряжение героя попадает волшебное средство** (кратко — снабжение, сокращенное обозначение — Z) [Пропп 1928: 53–55]. Аргачи по собственной инициативе предоставляет себя в распоряжение слуги, что соответствует девятому варианту этой функции — «Различные персонажи сами предоставляют себя в распоряжение героя» (Z⁹) [Пропп 1928: 54–55].

Также в действиях Аргачи необходимо отметить еще одну функцию — **IX. Беда или недостача сообщается, к герою обра-**

щаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его (кратко – посредничество, сокращенное обозначение — В) [Пропп 1928: 46–48]. Она обрамляется функцией Z и соответствует описанному В. Я. Проппом четвертому варианту — В⁴ «беда сообщается» [Пропп 1928: 47].

Сопровождение героя к горе полностью соответствует третьему варианту функции XV. **Герой переносится, приводится или доставляется к месту нахождения предмета поисков** (кратко – путеводительство, сокращенное обозначение — R) [Пропп 1928: 59–60]. В рассматриваемой сказке функция R³ полностью десакрализована и не носит характера перемещения между мирами. Впрочем, мотив заточения девушки в пещере может иметь отголоски мотива погребения царевны в волшебных сказках.

Освобождение дочери амбана носит характер функции XIX. **Начальная беда или недостача ликвидируется** (сокращенное обозначение — Л). Данное действие имеет черты как первого (объект поисков похищается с применением силы или хитрости), так и десятого (плененный освобождается) вариантов [Пропп 1928: 61–64].

Присутствующее в тексте упоминание об организованной амбаном, но неудавшейся погоне является рудиментом парной связки функций действующих лиц — XXI. **Герой подвергается преследованию** (кратко – преследование, сокращенное обозначение — Пр) [Пропп 1928: 64–65] и XXII. **Герой спасается от преследования** (кратко — спасение, сокращенное обозначение — Сп) [Пропп 1928: 65–66].

На этом обрамленное историей о пари повествование заканчивается. Схематично его можно описать так:

$$i [A^{15} Z^9 B^4 R^3 L^1_{10} Пр-Сп]i$$

Обращенная последовательность функций Z⁹ B⁴ является допустимой для структуры повествования в волшебной сказке. Сам В. Я. Пропп отмечал, что «некоторые функции могут меняться местами» [Пропп 1928: 117]. Следовательно, относительно рассказа «Агҕаҕи amban noyan-i šükügen ni» [Агҕаҕи 1990: 1–6] можно ут-

верждать, что в него включен цельный, хотя и весьма короткий, ход волшебной сказки. Особенность его в том, что все элементы волшебной сказки не имеют магического характера для ее персонажей. Основной акцент повествования сделан на начальной ситуации, в которой также есть поэтический элемент, характерный для волшебной сказки монгольских народов. Осознав, что пари проиграно, антагонист обращается к Аргачи следующим образом:

joɣdor amban denejīn čičirejū ukilaqu-yin naɣaɣur iniyekū-yin čaɣaɣur bolju [Аргачи 1990: 5].

‘Амбань [по имени] Грива задрожал от страха и стал, поворачиваясь на одну сторону, плакать, на другую — смеяться.’

В волшебных сказках монголов, бурят и калмыков одновременный плач и смех персонажа является метафорой грозящей ему смерти. Они восходят к обрядовой практике, символизируя смерть и последующую победу над ней [Носов 2016]. Согласно условиям пари, в случае успеха Аргачи амбань должен был стать его рабом. Но этого не происходит, и Аргачи требует от него уменьшить налоги. Антагонист не лишается своего социального положения, что можно трактовать как реализацию обрядовой функции одновременного плача и смеха.

Наличие в рассмотренных рассказах об Аргачи центрального персонажа с четким набором черт, единого художественного времени и пространства, а также социальная основа конфликта с антагонистом позволяют считать тексты из рассмотренных изданий циклом бытовых сказок, в который входит не менее 57 сюжетов [Аникин 2004: 116–132]. Тем не менее, в них встречаются элементы сказок волшебных как на уровне структуры повествования, так и на уровне художественных образов.

Литература

- Аргачи 1990 — Аргачи. *Arad-un aman jokiyal. Urumči: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoryi-a*, 1990. 167 с.
- Аникин 2004 — Аникин В. П. *Теория фольклора: курс лекций*. М.: Кн. дом Ун-т, 2004. 428 с.

- Катуу 2002 — Торгууд ардын аман зохиол. Эмхтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичиж, тайлбар зүүлт үйлдсэн. Доктор, профессор Б. Катуу. Улаанбаатар, 2002. 461 х.
- Лихачев 1964 — *Лихачев Д. С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 102 с.
- Носов 2016 — *Носов Д. А.* Семантика одновременного плача и смеха в народных сказках монголов, бурят и калмыков // *Mongolica-XVI*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 51–54.
- Пропп 1928 — *Пропп В.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учебное пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.